

№ 11-12 (35-36).

Ноябрь-Декабрь 1961 г.
Год издания III-ий.

Цена \$0,50

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Д-Р. А. ГЕРОВСКИЙ: ИЗА И СИГОТСКИЙ ПРОЦЕСС	3
М. КАРАТЕЕВ: НЕКОМАТ СУРОЖАНИН	5
БОРИС БАШИЛОВ: АЛЕКСЕЙ АРГАМАКОВ	9
ЮРИЙ МИРОЛЮБОВ: ИСТОРИЯ РУСИ	11
ЕКАТЕРИНА П.: ФЛАГ УКРАИНСКИХ СЕПАРАТИСТОВ	13
М. К. СИКЛИФСКИЙ: К МОЛОДЕЖИ	14
КОНСТАНТИН МИКЛА: ЧЕШСКИЕ „БРАТЬЯ”	15

СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ

FREE WORD CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

№ 11-12 (35-36).

Ноябрь — Декабрь 1961 г.

Цена \$ 0.50

Год издания III-ий.

В КИНО

Утомленная после работы,
Лишь за окнами стало темно,
С выраженьем тяжелой заботы
Ты пришла почему-то в кино.

Ражий малый в коричневом фраке,
Как всегда, выбиваясь из сил,
Плел с эстрады какие-то враки
И бездарно и нудно острил.

И смотрела когда на него ты
И вникала в остроты его,
Выраженьем тяжелой заботы
Не сходило с лица твоего.

В низком зале, наполненном густо,
Ты смотрела, как все, на экран,
Где напрасно пыталось искусство
К правде жизни припутать обман.

Озабоченных черт не меняли
Судьбы призрачных, плоских людей,
И тебе удавалось едва ли
Сопоставить их с жизнью своей.

Одинока, слегка седовата,
Но еще моложава на вид,
Кто же ты? И какая утрата
До сих пор твое сердце томит?

Где твой друг, твой единственно милый,
Соучастник далекой весны,
Кто наполнил живительной силой
Бесприютное сердце жены?

Почему его нету с тобою?
Неужели погиб он в бою
Иль, оторван от дома судьбою,
Пропадает в далеком краю?

Где б он ни был, но в это мгновенье
Здесь, в кино, я уверился вновь:
Бесконечно людское терпенье,
Если в сердце не гаснет любовь.

Н. Заболоцкий

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Доводим до сведения лиц, желающих приобрести исторический роман М. Каратеева

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА,

что небольшое количество экземпляров еще имеется у автора. Стоимость книги с пересылкой 4 доллара. Заказы направлять по адресу:
Dr M. Karateeff, Balneario Atlantida, R. O. del Uruguay, S. America.

а деньги одновременно почтовым переводом на имя:

Mrs. Raisa Kruglov, 398 Menahan Str.
Ridgewood 37, N. Y., USA.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

На складе редакции имеется ограниченное количество высокохудожественных произведений Юрия Псковитянина в виде сборника стихотворений —

„С К А З Ы”

Цена 1.50 дол. (Страниц 160). Заказывать в редакции:

“FREE WORD”, P. O. Box 992, Newark 1, N. J.

Издатель:

Инициативная группа для организации карпато-русского общества.

Редактор: М. ТУРЯНИЦА

(M. Turjanica)

Form 3547 — Return Postage Guaranteed

Printed in USA.

ИЗА И СИГОТСКИЙ ПРОЦЕСС

(Продолжение)

Но это не помешало австрийским и мадьярским властям в 1913 году арестовать более двухсот русских крестьян и обвинить их в „подстрекательстве” против Венгрии в интересах России, при чем, конечно, обвиняли их в том, что они получали рубли из России. Мадьярская полиция даже нашла двух еврейских корчмарей, которые засвидетельствовали, что они у одного из арестованных видели русскую тысячу-черублевку. При этом они упустили из виду, что билет в тысячу рублей не существовал. Самая большая бумажка была пятисотрублевая. Но так как в Австро-Венгрии имелись „банкноты” в тысячу крон, то, конечно, предполагали, что и в России имеются тысячу-черублевки. Насколько все это была наглая ложь видно из того, что если бы даже кто-нибудь захотел подкупить карпаторусских крестьян, то не давал бы им тысячу-черублевки, с которыми они в своих горах ничего не могли бы сделать.

Жестокие гонения на русских крестьян за их „руссофильство” и антипатии к Риму продолжались вплоть до первой мировой войны. Закончились они пресловутым сиготским („Мармарош-Сигетским”) процессом, в котором судили девяносто четырех крестьян за „подстрекательство” против Венгерского Королевства. Среди обвиняемых не было ни одного интеллигента, ибо вся карпаторусская интеллигенция — (она была немногочисленна) — была так терроризована, что держалась в стороне от злополучных крамольных крестьян. Меня с братом привлекли по этому делу и обвинили в государственной измене, но отдельно, в городе Черновцах, в австрийской половине габсбургской империи.

СИГОТСКИЙ ПРОЦЕСС

Крамольников судили в Сиготе, губернском городе Мороморыша. Официальное мадьярское название этого города было Мармарош Сигет и поэтому не только в мадьярской печати, но и во всех других газетах, даже и в России, процесс этот называли „мармарош-сигетским”. Арестованных по этому делу было больше двухсот человек. Они томилась в предварительном заключении несколько месяцев, но в конечном итоге обвинительный акт содержал только девяносто четыре имени. Все они были крестьяне и почти все происходили из Мороморыша. Процесс этот вызвал всеобщий интерес, между прочим и потому, что за несколько лет до этого был подобный монстр-процесс в Хорватии, в городе Загребе, где судились 54

серб за государственную измену. Защищать обвиняемых русских крестьян приехали сербские адвокаты из южной Венгрии, среди них и д-р Хаджич, известный адвокат из Нового Сада.

Чрезвычайно интересным эпизодом было появление в Сиготе в качестве свидетеля члена русской Государственной Думы графа Владимира Алексеевича Бобринского. Он уже давно, как один из главных деятелей в Галицко-Русском Обществе в Петрограде, интересовался не только галицкими, но и угрорусскими делами. Узнав из газет о несуразных обвинениях, предъявленных прокурором в этом процессе, — при чем были ссылки и на него самого — граф Бобринский решил выступить на этом процессе в качестве свидетеля. Но когда он обратился за визой в австрийское посольство, ему объявили, что его в Австрии арестуют. Тогда он обратился прямо в Будапешт. Оттуда ему сообщили, что он может приехать через Румынию прямо в Венгрию, где его не арестуют и разрешат ему выехать обратно таким же путем за границу. Невзирая на предупреждения как русских властей, так и друзей, граф Бобринский все-таки рискнул и поехал через Румынию в Сигот. Его появление на суде произвело сенсацию и сильно приободрило обвиняемых. Когда он кончил свои показания, он повернулся в сторону обвиняемых и глубоко поклонился им. Затем он безпрепятственно уехал в Россию через Румынию, несмотря на то, что из Вены требовали его ареста. Мадьяре использовали этот случай для того, чтобы показать свою „независимость” от австрийского правительства и графа Бобринского не арестовали.

Из девяносто четырех человек была приговорена только одна треть, не то 32, не то 34 человека. Приговорили их к тюремному заключению на разные сроки: от шести месяцев до двух лет. Только отец Алексей Кабалюк получил четыре года с половиною.

Осенью 1913 года, когда начались аресты в Мороморыше, я заболел воспалением легких в Черновцах. Знакомый помощник прокурора, румын, узнав о моей болезни, предупредил меня, что меня собираются арестовать и посоветовал мне поскорее уехать за границу, дабы не попасть тяжело больным в тюрьму. Я последовал его совету и уехал через Румынию в Россию, на Кавказ. В то время о. Алексей Кабалюк находился в Америке, объезжая карпаторусские приходы. Мне сообщили из дому через некото-

рое время, что получены сведения из Сигота, что судебный следователь запугивает арестованных изян, говоря им: „Вот видите, те, которые затеяли все это дело, удрали за границу: Геровский — в Россию, а Кабалюк — в Америку, а вас мы тут повесим”. Подсудимые сильно пали духом. Поэтому я написал о. Алексею в Америку, что нам необходимо вернуться и сестра в тюрьму. Отец Алексей вернулся на родину через Германию и Австрию и сумел пробраться до Сигота без того, чтобы мадьярская полиция об этом узнала.

Он явился к судебному следователю и сказал ему: „Я прочел в газетах, что вы меня ищете”. На вопрос следователя, кто он такой, отец Алексей ответил: „Я Кабалюк”.

Я вернулся в Черновцы, но меня долго не трогали. Арестовали меня только в декабре месяце, накануне Рождества Христова вместе с младшим братом Георгием. Меня обвинили в государственной измене по параграфу уголовного кодекса, по которому единственной мерой наказания была виселица. Через полгода мне удалось бежать вместе с братом в Россию. В день нашего побега в местной ежедневной немецкой газете „Черновицер Аллгемайне Цайтунг” появилась передовая статья за подписью редактора, моего коллеги адвоката Филиппа-Фейбиша Менчеля о том, что со мной церемониться нечего, что меня уже давно следовало повесить без суда так, как в Америке вешают без суда конокрадов.

Месяца через полтора я вернулся в Черновцы с русской армией. Во дворе тюрьмы мне показали виселицу, на которой меня собирались повесить. Я имел удовольствие потрогать ее.

Когда началась война, мадьярские власти никого из „руссофилов” не тронули или, вернее, не посадили в тюрьму и не судили как государственных изменников. Приговоренных к разным срокам в Сиготском процессе отпустили на волю, когда их сроки кончились. Только о. А. Кабалюку, который был приговорен к четырем с половиной годам тюрьмы, пришлось просидеть в заключении в течение всей войны. Многие крестьян, „взбунтовавшихся” в свое время против Рима и поэтому заподозренных в нелояльности к Габсбургам, сослали в чисто мадьярские села и разместили их в крестьянских хатах, в которых не было взрослых мужчин, так как они были мобилизованы и отправлены на фронт. Наши крестьяне исполняли там все работы, которые в обычное время делали отцы семейств или взрослые сыновья. Отношение к ним мадьярских селян было доброжелательным. Они с ними обращались как с членами семьи. Причина хорошего обращения состояла в том, что в восточной части венгерской равнины,

прилегающей к Карпатской Руси, все мадьярское население протестантское. Это были кальвинисты, которые хорошо помнили, что когда-то, во время контр-реформации они, совместно с православными карпатороссами, в течение многих десятилетий боролись с оружием в руках за свободу веры против габсбургских папских войск. Как мне потом рассказывали возвратившиеся после войны из ссылки православные русские люди, мадьярские крестьяне, у которых они работали, говорили им:

„Нам известно, за что вас сослали. Вы хорошие люди. Мы знаем и помним, что наши предки и ваши предки вместе воевали против римского папы”.

Другая причина гуманного отношения мадьяр к заподозренным ссыльным русским людям состояла в том, что в те времена в Карпатской Руси совершенно не было украинских самостийников, которые делали бы ложные доносы на своих единоплеменников, не желающих отречься от своего русского имени и от своей русской православной веры. Вот почему в Венгрии не было Талергофа*).

В связи с этим интересно отметить следующий случай, происшедший в первые месяцы войны в Ясень, восточной части Карпатской Руси. В августе и сентябре, когда русские войска быстро наступали, некоторым австрийским полкам пришлось отойти за Карпаты. Один из этих полков очутился в Ясень. По всей вероятности, это был галицкий полк. По рассказам местных жителей, среди офицеров полка были галицкие

---

*) Талергоф был один из концентрационных лагерей для русских галичан в немецкой Австрии, недалеко от города Градца. Туда австрийские власти сослали много тысяч русских галичан — мужчин и женщин, из которых там умерло около 6,500 человек. Среди сосланных было более 250 русских униатских священников — галичан. В самой галицкой Руси во время первой мировой войны австрийские власти и их прислужники расстреляли или повесили безо всякого суда и следствия несколько десятков тысяч человек. Глава польской социал-демократической партии, Дашинский, сказал в австрийском парламенте, что число их было около 60.000!

Ссылались они по доносам галицких самостийников, которые получали за каждый донос от 50 до 100 крон. Президиум клуба украинских членов австрийского парламента в Вене решал о том, кому следует оставаться в этом концентрационном лагере, а кого — отпустить. Среди жертв талергофского концентрационного лагеря были также мои родственники и знакомые, из которых некоторые выжили и впоследствии рассказывали о тех ужасах, которые там творились.

самостийники, которые арестовали некоторых гуцулов и шесть человек из них повесили. После этого в Ясенье явились представители венгерского командования, которые запротестовали против того, чтобы австрийцы вешали мадярских граждан. Этим была прекращена „патриотическая“ австрийско-украинская деятельность самостийников в Ясенье.

После того, как Карпатская Русь была оккупирована чехами, чешский губернатор в Ужгороде Эренфелд дал расклеить по всей Карпатской Руси афиши, которыми сообщалось населению, что в такой-то день состоится в Ясенье Большая манифестация в память шести русских гуцулов, повешенных там мадярами. В афишах было сказано, что из Франции придут представители французского парламента, которые примут участие в манифестации и произнесут речи. Я пошел к Эренфелду и рассказал ему, что в действительности произошло в Ясенье и, в частности, что полк был австрийский, что палачами были украинские самостийники и что мадярские власти прекратили дальнейшие убийства. Так как Эренфелд, по-видимому, не собиравшись отозвать свою „патриотическую“ манифестацию, я заявил ему что и я прийду туда и приведу с собою несколько десятков крестьян из Изы и окрестных сел, судившихся в свое время в Сиготе, и что я там выступлю с речью

не только на русском языке, но и на французском, так что и французские гости поймут в чем дело. Я предупредил пана Эренфелда, что если он попытается не дать мне говорить, то я устрою такой бунт, что о нем будут писать все газеты и французские гости все-таки узнают в чем дело.

„Мы все“, — сказал я, — „страдали от мадярского режима, и я сам сидел по мадярским тюрьмам, но во-время войны мадяре наших людей не расстреливали и не вешали, как это делали самостийники в Галицкой Руси, благодаря которым там потеряли жизнь десятки тысяч ни в чем неповинных русских людей. Теперь самостийники хотят свалить свои преступления на других. Этого мы в Карпатской Руси не допустим“.

Говорил я с паном Эренфелдом по-немецки, так как он был до войны австрийским бециркс-гауптманом, т. е. уездным начальником, и поэтому хорошо говорил по-немецки. Сказал я ему все это повышенным тоном и уходя, я хлопнул за собою дверь.

Успех моей интервенции был полный. На следующий день было объявлено в газетах, что торжество в Ясенье „откладывается“. Оно никогда не состоялось.

А. Геровский

Гой ты, Русь моя родная!
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом,
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
„Кинь ты Русь, живи в раю!“
Я скажу: „Не надо рая.
Дайте родину мою“.

С. Есенин

1914.

Производится ПОДПИСКА и РОЗНИЧНАЯ
ПРОДАЖА журнала
„СВОБОДНОЕ СЛОВО“
Карпатской Руси”

в русском магазине:

THE BOOK HOUSE

304 State Street, Bridgeport 3, Conn.
в котором всегда можно получить новинки русских книг и книги-уникум по разным отраслям знания.

Заказывайте в редакции „Свободного Слова“
книгу галицко-русского мифолога И. Тереха

„СЛАВЯНЕ И КАРПАТЫ“

Эта книга в художественной стихотворной форме рисует создание языческими славянскими богами Русских гор — Карпат.

Цена книги с пересылкою 1.20 дол. Осталось немного экземпляров.

Некомат Сурожанин

(Отрывок из историч. романа „Карач-мурза“)

Ставка Мамаю в ту пору находилась верст на четыреста выше Сарая, на правом берегу Волги, где стоял и оживленный татарский город Укек.¹⁾ В нем временно проживал теперь хан Магомет-Султан, со своим гаремом; Мамай же, — отчасти по привычке к походной жизни, а больше из присущей ему осторожности, — жил в юрте, за городом, в становище особо преданного ему тумена. В полуверсте от его ставки, также в шатрах, расположился приехавший в Орду великий князь Дмитрий Иванович, со своими людьми.

В течение месяца, пока Дмитрий ожидал приезда у Мамаю и у хана, его дворяне, из которых многие находились в Орде впервые, — с любопытством присматривались к окружающему и чуть ли не ежедневно навещали в Укек. А в нем было на что поглядеть и чему подивиться.

Город, насчитывавший несколько десятков тысяч жителей, был расположен на самом берегу Волги, у подножия невысокой горы, по мере своего роста взбираясь все выше и выше на ее глинистые склоны. Внизу стояло много больших каменных зданий, красивых мечетей и караван-сараяв; на уступах горы лепились глинобитные домики поменьше, и только самые невзрачные и жалкие лачуги были, казалось, достаточно легки и проворны, чтобы вскарабкаться почти до самой ее вершины.

С тех пор как в Орде пошли нескончаемые убоицы, и Сарай стал подвергаться частым разграблениям, множество искусных умельцев и ремесленников начало переселяться оттуда в Укек, способствуя росту и процветанию города. Но все же богател он, главным образом, своей торговлей. Это был первый татарский рынок на водном пути, по которому шли из Булгар и из северных областей Руси всевозможные товары, предназначенные для продажи на юге: меха, кожи, шерсть, кузнечные и шорные изделия, мед, воск, а также моржовая и мамонтовая кость. В обратном направлении двигались по Волге ткани, оружие, хлеб, вино, ковры и драгоценная утварь. Многие иноземные купцы, прежде совершавшие все торговые сделки в Сараяе, теперь приезжали со своими товарами в Укек, чтобы здесь с большей выгодой поменять их болгарским купцам на собольи и горностаевые меха. Кроме того и сам Укек славился резчиками по кости, искуснейшими гончарами, а в особенности мастерами по выделке кожаных татарских доспехов, имевших широкий спрос во всей Орде.

В силу всего этого, город жил напряженной деловой жизнью, и рыночные площади его всегда были полны всевозможных товаров, иной раз и вовсе невиданных на Руси, а потому приближенные князя Дмитрия Ивановича не упускали случая потолкаться по этим базарам, поглядеть, а то и закупить, что приглянется.

Однажды, в день большого торга, боярин Иван Васильевич Вельяминов, который тоже находился в свите великого князя, прохаживаясь в сопровождении нескольких слуг по рыночной площади, был остановлен диковинным зрелищем: на плотно утоптанной земле, под стеною караван-сарая, сидел, поджав под себя ноги, изможденный старик с очень темным высохшим лицом и желтовато-серой бородой, — точно под цвет его заношенного халата. Старик, приложив к губам коротенькую камышевую дудку, наигрывал что-то жалостливое, а прямо перед ним, в середине большого круга, образованного толпой зевак, стояла на хвосте, покачиваясь из стороны в сторону, большая черная змея, с головою раздутой, как пузырь.

Вельяминов глядел на это довольно долго, так что даже стало клонить ко сну, и он сам, подобно той ученой змее, начал легонько покачиваться туда-сюда. Но тут старик внезапно оборвав жалостливую мелодию, задудел что-то веселое и змея тотчас приподняв голову-пузырь, начала прискакивать на хвосте, ровно бы принаравливалась пуститься в пляс. Малое время спустя, заметив, что и сам он притопывает ногами в лад музыке, боярин с досадою отвел глаза в сторону и чтобы прогнать наваждение, оглянул лица стоявших вокруг людей. Одно из них, — красное и широкое, как лопа-та, — показалось ему знакомым, но Иван Васильевич не успел припомнить, где его видел, так как внимание его снова привлекли действия темнотического старика, который, перестав играть, сунул дудку за пазуху и протянул вперед поросшую седым пухом руку. Змея, голова которой сделалась теперь маленькой, как у обыкновенной гадюки, тотчас полезла к нему в рукав и скрылась под халатом.

Ее хозяин, не торопясь и не обращая никакого внимания на собравшуюся вокруг толпу, вытащил из-за спины небольшой горшечек с землей, воткнул туда какое-то зернышко, полил водой из стоявшей рядом тыквенной баклаги и что-то забормотал, легонько поводя сверху руками. Не прошло и двух минут, как земля в горшке зашевелилась, из нее выбился тонкий

бледно-зеленый побег, который на глазах у толпы стал расти и ветвиться, покрываясь узкими, блестящими листьями. Изумленный Вельяминов незаметно подергал себя за кончик уха, — но нет, он не спал и действительно видел все это наяву. Диковинный кустик, между тем, вырос уже высотой в поларшина и теперь на его верхушке набрякала и топорщилась розовая почка, вдруг открывшаяся пышным красным цветком. Боярин, в нос которому внезапно ударил сладкий, дурмящий запах, не знал, что и думать, но самое удивительное все-же ждало его впереди: старик сорвал со стебля столь чудесно выращенный им цветок и не переставая бормотать, подбросил его вверх. Все задрали головы и остолбенели: цветом неподвижно повис в воздухе, на высоте шести или семи аршин над землей.

Иван Васильевич не отрывал от него взора долго, — пока не заболела шея. Затем, чтобы передохнуть, опустил голову и поглядел на землю. Тут уже не было ни растения, ни горшка, — на его месте стояла деревянная площадка, в которую люди кидали мелкие монеты, а старый колдун укладывал свое немудренное хозяйство в торбу, явно собираясь уходить. Иван Васильевич снова посмотрел вверх, но цветка там уже не увидел, — он исчез неведомо куда, а что не упал на землю, в том боярин был готов поклясться Богом.

Зрители, поняв что представление окончено, начали расходиться, восторженно цокая языками и громко обсуждая виденное. Только лишь краснорожий, ранее замеченный Вельяминовым, широко расставив ноги и запрокинув бороду, рыжую, как лисий хвост, продолжал шарить глазами по небу, отыскивая куда улетел цветок. Наконец, ничего не обнаружив в безоблачной синеве, он опустил голову, восхищенно крикнул и шагнул вперед, видимо, намереваясь продолжить путь, прерванный интересным зрелищем. Но едва он сделал второй шаг, как стоявший тут же высокий татарин, неожиданно толкнул его в грудь, отпихнув на прежнее место.

— Ты что, сдурел? — крикнул рыжебородый, казалось, не столько рассерженный, как удивленный выходкой татарина. — А ну, дай дорогу, не то сейчас полетишь в небо, как тот цветок!

— Закон запрещает тебе выйти из круга, — спокойно ответил татарин, передвигая на живот ятаган, заткнутый за пояс и прежде находившийся за его спиной. — Погляди вниз: тебя очертил мой господин, Касим-аль-Авах. И если ты перешагнешь черту, мне велено тут же убить тебя.

Рыжий быстро нагнул голову и лицо его внезапно побелело: он находился в центре круга,

поперечником в сажень, выведенного на земле толстой меловой чертой.

— Матерь Божья! Ну, теперь пропал! — простонал рыжий, убедившись, что очерченная вокруг него белая линия плотно замкнута. Ноги его подкосились, он в изнеможении сел на землю, охватил голову руками и замер, будто окаменев.

В этом коротком разговоре только последняя фраза была произнесена по-русски, но Вельяминов знал татарский язык и отлично понял суть всего происшедшего: в Орде исстари существовал закон, — хотя многими и позабытый, но еще сохранявший силу, — согласно которому неисправный должник, если займодавцу удавалось очертить его кругом, обязан был оставаться в этом кругу, доколе не поладит с займодавцем. В противном случае последний получал право обратить его в рабство или даже убить.

Из толпы, между тем, выступил невысокий толстый человек в чалме и в полосатом халате, и подошел к самому кругу. Его лоснящееся лицо, отороченное черной, холеной бородкой, выражало злорадство и презрение.

— Ну, что теперь скажешь, сын верблюда и гиены? — промолвил он, обращаясь к сидящему на земле пленнику. — Будешь платить или хочешь, чтобы я тебя продал в Каффу на галеры?²⁾

Рыжий поднял голову и с тоской посмотрел на говорившего.

— Смилуйся, почтенный Касим-ата!³⁾ — проникновенно произнес он. — Пожди еще малость! Вот завершу одно дело, тогда тебе все отдам сполна и еще пол-столька. Богом клянусь! Но для этого бесприменно мне надобно быть на воле!

— Что значит клятва человека, который закопал в землю свою совесть? Все это я уже слышал от тебя не один раз. Но теперь ты в моей власти, и время лживых обещаний для тебя прошло. Или плати, или будешь продан!

— Да ты сам помысли: нешто за меня выручишь сколько я тебе задолжал? А оставишь меня на воле, — не только свое получишь, а еще и наживешь немало!

— Ты лжешь, и я с тебя все равно ничего не получу! Пусть фряги⁴⁾ дадут за тебя только половину того, что ты мне должен, и я скажу, что сделал хорошее дело! А когда я буду вспоминать о второй половине, — мне послужит утешением то, что на галерах ты получишь в десять раз больше плетей, чем я потерял дирхемов!

— Смилуйся, почтенный Касим-ата! Ведь беда со всяким может приключиться. Потерпи еще маленько! Я обернусь!

— Если беда пришла к тебе, то у меня нет охоты показывать ей ворота своего дома. В по-

следний раз спрашиваю: будешь платить?

— Вестимо, заплачу! Ты только теперь отпусти меня, дабы я мог...

— Не истощай моего терпения, презренный обманщик! Сейчас, когда я заключил тебя в круг, ты больше от меня не уйдешь. Но мои люди могут сходить за деньгами, куда ты укажешь или отвести тебя в ставку русского великого князя. Если в своей стране ты и вправду такой важный купец, как говоришь, — он за тебя заплатит.

— Не заплатит за меня этот князь, — сокрушенно промолвил рыжий.

— Почему не заплатит?

— Во вражде мы с ним.

— А, понимаю: ты и его успел обмануть! Ну, если так, пеняй на себя. Эй, люди, надеть на него ошейник!¹⁾

Слуги Касим-аль-Аваха кинулись было исполнять приказание своего господина, но тут Вельяминов, сразу насторожившийся при последних словах пленника, неожиданно для всех выступил вперед.

— Сколько тебе должен этот человек? — спросил он у Касима.

— Две тысячи серебряных дирхемов,²⁾ — почтительно ответил купец, сразу оценивший по достоинству барскую внешность и богатый наряд незнакомца.

— Добро. А фрягам ты его хотел продать за половину того?

— Мне бы наверно заплатили больше половины, благородный господин, — промолвил Касим, смекнувший куда клонится дело. — Этот урус еще не стар и силен, как медведь, в Каффе таких всегда ищут...

— Ну, так вот, почтенный, мне тут долго разговаривать недосуг: раз ты сам сказал половину, — тысячу дирхемов за него даю, и ни еди-

ного больше! Ежели согласен, получай деньги, а нет, — вези своего медведя в Каффу, или куда тебе любо.

— Тысячи мало. Меньше чем за полторы не отдам!

— Ну, тогда бывай здоров! Он мне и за тысячу не надобен. То я сказал лишь для того, чтобы поглядеть — сам-то ты как свое слово держишь? И теперь вижу каков ты есть: другого за обман коришь, а и сам не лучше, — промолвил Вельяминов и с достоинством зашагал дальше.

Но не отошел он и десяти шагов, как Касим закричал:

— Остановись, сиятельный господин! Я согласен!

— Ну, то-то же, — сказал Иван Васильевич и добавил уже по-русски, обращаясь к своему дворецкому: — заплати, Стешка, татарину тысячу дирхемов, а этого человека возьми к себе; если он голоден — накорми, а вечером, как стемнеет, приведешь его в мой шатер.

М. Каратеев

(Продолжение следует)

¹⁾ Татарский город Укек, упоминаемый в русских летописях под именем Содома, находился на девять верст ниже нынешнего Саратова и в конце 14 века был до основания разрушен Тамерланом.

²⁾ Каффа — нынешняя Феодосия. Эта древняя греческая колония в Крыму была в 13 веке захвачена генуэзцами и оставалась под их властью 250 лет.

³⁾ Ата — вроде нашего „батюшка”, употреблялось при почтительном обращении к старшему.

⁴⁾ Фрягами на Руси называли итальянцев.

⁵⁾ Ошейник служил символом рабства.

⁶⁾ Приблизительно двести рублей того времени.

А. Е. Котомкин

НА ВОЛГЕ

Молитвенной торжественности полно
Все в царстве у тебя, родимая река:
Широкий, вольный всплеск разгулистого
челна,

И песня грустная, и пляска бурлака...

Здесь песням и мечтам отрадno и просторно,
Ты вся звенишь, гудишь на тысячи ладов.
А эхо жуткое и гулко и проворно
Уносит голос твой в простор седых лесов.

И кажется, что нет просторам края,
И не открыть врагам твой заповедный клад.
Лишь волны вольные, его оберегая,
О славной старине в преданьях говорят.

РУССКИЕ ЛЮДИ!

„Свободное Слово” существует исключительно на средства, получаемые в виде подписной платы и пожертвований. От каких бы то ни было фондов мы не получаем средств и никогда не будем получать (и не желаем этого), так как „фонды” созданы не для поддержки и распространения истинно-русского миропонимания.

Русские люди, от вашей жертвенности, помощи в распространении журнала и приобретении новых подписчиков зависит судьба „Свободного Слова”!

Редакция

Алексей Аргамаков

I

И позже не раз прихотливый рок причудливо плел жизненные дороги потомков Петра Аргамака.

Один из потомков Семена Аргамака при царе Алексее, справедливо прозванном за свою доброту Тишайшим, переехал из Киева в Москву и поступил переводчиком в Посольский Приказ. В посольских росписях тезка Тишайшего именовался уже не Алексеем Аргамаком, а на русский лад — Алексеем Аргамаковым.

Ордин-Нащокин, ведавший Посольским Приказом, сразу оценил острый ум Алексея Аргамакова. В Посольском Приказе при Тишайшем, как и ранее при отце Тишайшего, и при Борисе Годунове, работали многие люди тонкого и емкого ума.

Один Ордин-Нащокин чего стоил! Умом своим он едва ли не превосходил знаменитого дипломата времен Бориса Годунова, руководителя Посольского Приказа Андрея Шекалова, про которого голландец Исаак Мааса, с удивлением писал в „Кратком известии о Московии“, что Андрей Шекалов был „умный и лукавый, что превосходил разумом всех людей“; Борис был весьма расположен к этому дьяку, как к необходимому для управления государством...

Борис не мог надивиться им и часто говорил:

— Я никогда не слышал о таком человеке и полагаю, что весь мир был бы для него мал, ему было бы прилично служить Александру Македонскому...” Ордин-Нащокин обладал мощным и гибким умом русского человека, выработанным веками беспрестанной борьбы с суровой природой и наступающими со всех сторон врагами. Во время переговоров Ордин-Нащокина с иностранными послами мысль его, как писал в своих воспоминаниях Алексей Аргамаков, „вилась змейно, как русская дорога посреди лесной чащи, но, как ни уклонялась она в разные стороны, как ни вилась змеей среди лесных болот, все же была она самой прямой дорогой, которую можно было проложить через онную лесную трущобу”.

Находчивый, не знавший препятствий Ордин-Нащокин, выводил из терпения всех послов тем, что он никогда не пропуская ни единой их ошибки. Но более всего лютели они от того, что Ордин-Нащокин шел против злого их обычая творить посольские дела обманом. Ордин-Нащокин ничего не хотел делать „без правды, того же требуя и от них. Он твердо стоял на том, что каждый договор надлежит соблюдать во

всех стятках, запятках и точках, без всякого умаления, в целостности и без нарушения”.

— „Лучше, говорил Ордин-Нащокин иностранным послам, мне воистину принять животу моему злой конец, и во веки свободному на том свете быть, нежели на сем свете противное правде делати”.

Ордин-Нащокин сразу отметил живой, изворотливый ум Алексея Аргамакова, его знание латинского и польского языков, его умение обращаться с нетерпеливыми, спесивыми послами Речи Посполитой и двоедушными цесарскими¹⁾ послами. И уже на второй год работы Алексея Аргамакова в Посольском Приказе стал посылать его толмачить на царские приемы послов, переводить речи Тишайшего Царя и речи послов Священной Римской Империи и Речи Посполитой.²⁾

II

Ордин-Нащокин мирволил к Алексею Аргамакову еще и за дружбу с его непутевым сыном Воином, Войкой, как звал он его.

Ордин-Нащокин, как и Тишайший, был не против введения на Руси всяческого иноземного умельства, был не против того, чтобы брать на Русь полезное „с примера сторонних земель”.

Алексею Аргамакову навсегда запомнился разговор Ордин-Нащокина с Тишайшем. Перед тем, как выйти с Тишайшим к иноземным послам в Грановитую палату, Ордин-Нащокин сказал Царю:

— Великий Государь, Доброму не стыдно навывать и со стороны иных иноземных народов. Одначе всегда надлежит помнить, что иноземное платье не по нас, а наше не по них. Перенимать добро отовсюду надобно. Чего в тьму невежества своей охотой пятиться. Но нужно только по пути переимства идти с великим бережением. Сам знаешь, Великий Государь, какие злые плоды поспешность в сем деле приносит, а особливо презрение к своему.

Не ты ли мне, однажды, Великий Государь, сказал в этих самых покоях: „Хотя и мала иная вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна — никтоже зазрит, никтоже не похулит, всякий прославит и удивится, что и в малой вещи честь и чин, и образец положен по мере... без чина же всякая вещь и всякое дело не утвердится: бесстройство же теряет дело и восставляет безделье”... Воистину так! Во все, что бы ни творил человек, жалкая песчинка на грешной земле, мимолетный гость на ней, искра, вспыхивая на миг в юдоли земной, на

одно, едва зримое мгновение, — нужна мера. Чужой пирог для пустых, завистливых умов, всегда больше и слаще своего. Примером тому князь Хворостинин. После того, как стал по латыни честь, до коего великого безумия после того дошел, колико наклеветал на Русь и русское самодержавство в своих „Словесах дней и царей”: В Москве, де, народ глуп, в Москве не с кем жить”...

А подьячий Посольского Приказу Котошихин, что в Свейскую Неметчину¹⁾ утек, как пишет мне посол наш из Свейской земли, ныне вовсе от Руси и умом и сердцем оторвался, пишет ныне и на Тебя, и на Русь, к торжеству врагов наших, всяческие хулы и клеветы. Да, что далеко ходить, Великий Государь, а мой сынишка непутевый Войка, денно и ночью болит о нем мое сердце, тоже все пуще и пуще клонится умом к иноземщине. Сколь не остерегаю его, а все боюсь, как бы путем Хворостинина и Котошихина не пошел.

— Ну, это ты, Афанасий, уже лишнюю хулу на сына кладешь. С годами дурость пройдет, и станет, как и ты, верной слугой мне и детям моим.

— О дай то, Господи, сию радость, дай, трезвожно воскликнул Ордин-Нащокин, перекрестился на мерцавшую в правом углу покоя зеленую лампадку, освещающую икону покровителя Московской Руси Георгия Победоносца. — Что может быть гибельнее, ежели сын рущит то, что отец и предки отцовы создавали? Святой Георгий Победоносец, Небесный Защитник Московской Державы помогал до сих пор победам над всеми врагами Рима Третьего — Москвы. Не смог ли погубить Москву, защитницу веры православной, все зломыслы многих врагов ее. Где ныне могущество Казанской, Астраханской и Крымской орды? Ногайцев? Где злая мощь свеев и Речи Посполитой? Где слава потомков Гедиминов и Ольгердов? По ночам, как сна нет, Великий Государь, страх великий, иной раз, берет меня от мысли, что могут завестись на Руси свои Латыняне²⁾ и Люторы;³⁾ свои домашние свеи и цесарцы, презиратели и враги всего русского. И то, чего не достигли Латыняне и Люторы оружием против нас, достигнут с помощью русских латынян и люторов. По Войке своем вижу, сколь злоненавистны могут быть к русскому безмерно прельстившиеся чужим...

Ордин-Нащокин знал, что выросший в Киеве, бывшем под властью Речи Посполитой, Алексей Аргамаков был крепок ко всему русскому, надеялся, что дружба с ним утишит у Воина пристрастие к иноземщине. Но надежды эти не оправдались.

Воин каждое воскресенье приезжал в стояв-

шую на берегу Москвы реки усадьбу Григория Чеботарева, командира рейтарского полка, у которого снимал дом Алексей Аргамаков. Дружки то сидели дома, то уезжали в подмосковные деревни знакомых дворян, откуда возвращались в Москву уже в предрассветной тьме.

Не раз, может сотни раз, вспыхивали жаркие схватки между Аргамаковым и Воином, ни во что не ставившим Русь. Сколько ни доказывал Аргамаков Ордин-Нащокину, тот все стоял на своем:

— Что отец, что ты, погрязли в московской грязи по уши, что московские свиньи в непросыхаемых лужах. И довольны тем, что грязь своя, московская. В неметчинах⁴⁾ и в Речи Посполитой, все невпример лучше нашего. И обычаями, и умом, и вежеством, всем нас выше.

— Издали то все хорошо, спокойно возражал Алексей Аргамаков. — Ты то с чужих слов говоришь, а я не раз бывал по посольским делам в Польше и в Цесарской земле, и Неметчине. Что у них лучше, а что у нас. Побогаче нас живут — верно. А когда нам было о богатстве, да о благолепии думать? Русь до сей поры на три года мира два ратных года имела. Где тут, когда об вежестве думать. Молоде дерево нечего корить, что оно ниже и тоньше старого. Придет срок — сравняемся.

Но на все слова Алексея Аргамакова Воин только досадливо махал рукой, иной раз зажимал уши руками.

...И в один из дней узнала Москва с изумлением, что Воин Ордин-Нащокин бежал с государевыми деньгами и бумагами, выкраденными в Посольском Приказе, в Польшу.

(Продолжение следует)

¹⁾ Цесарскими послами — послами Австрии; Цесарщина — Австрия.

²⁾ Речь Посполитая — Польша.

³⁾ Свейская Неметчина — Швеция, свеи — шведы.

⁴⁾ Латыняне — римские католики.

⁵⁾ Люторы — протестанты.

⁶⁾ В Неметчинах — в иностранных государствах.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

В США, Канаде и Австралии 3 доллара в год. Во всех государствах Южной Америки 1.00 дол. в год. Во всей Западной Европе и остальном мире 1.50 дол. в год. — Подписку направлять в редакцию журнала:

„FREE WORD”, P. O. Box 992, Newark 1,
New Jersey, U. S. A.

История Руси

В последнее время все чаще и чаще выявляются и устанавливаются факты, представляющие нашу историю в ее истинном виде.

В свое время, особенно с момента образования Российской Императорской Академии Наук, русская история подверглась „урезыванию“.

В то время Академия была заполнена всякими иностранцами, зачастую мало или совсем не образованными, в подавляющем большинстве немцами. Эти т. н. ученые, под видом „научных трататов“, стряпали всякие небылицы о норманнах: что, де, норманны образовали русское государство и т. д., и т. п.

Эти незадачливые мудрые мужи отождествили понятие варяга с понятием норманна и таким образом „благоразумно“ славян варягов подменили норманнами.

Воинские дружины славян — вендов, поморов, оботритов и др. русские именовали „варяжками“ — варягами, в отличие от подобных дружин из шведов, датчан, — коих русские именовали свеями-норманнами.

К новгородцам и к князьям других русских земель (Киев, Смоленск, Псков, Чернигов, и др.) нанимались на службу, как воины, варяги, так и воины из норманнов. Они нанимались для охраны торговых судов, идущих по Днепру-Славути в Византию.

По возвращении воины-дружинники обычно поселялись в Виндеграде (нынешняя Виндава), либо в Любаве (нынешняя Либава), или же в самом Новгороде. Подобной службой этих воинов-дружинников вся их роль в образовании русского государства и ограничивалась.

Вообще же говоря, норманны были весьма мало культурны и дать что-либо Руси в деле создания ее государственности просто не могли; они являлись простыми наемными воинами и только.

Как таковые, норманны отдельными группами принимали участие в битвах русских с различными кочевниками, которые наседали на Русь.

Новгород уже в III-IV в. в. являлся богатейшим торговым и культурным центром славян. Новгородцы владели письмом и счетом, столь необходимым в торговле.

Тем не менее пресловутые мудрецы из Академии упорно старались незамечать славян-русских и так же упорно продолжали твердить небылицы о норманнах с таким расчетом, чтобы огромную, культурную, могучую славянскую Русь подменить полудикими группами наемных воинов-норманнов, и все те, кому мешала православная Русь, приняли несуразную „норманскую“ небылицу, втащили ее на страницы рус-

ской истории, и долго и упорно, вопреки фактам, логике, разуму и правде старались ее удерживать.

Но на помощь русской истории-исторической правде пришла русская археология, языковедение и этнография. Исследования русских ученых в этой области показали удивительное единство археологических и этнографических данных (типа трупоположения на погребницах, вооружения, одежды, керамических изделий, утвари и других предметов обихода, а так же и в их наименовании, и пр.). Это единство было подтверждено на огромном пространстве при изучении и анализе данных раскопок трипольской и фатьяновской культур, т. е. на огромной территории размещения славянской Руси. Установлено единство типологии от времен значительно древних (до Р. Х.) с т. н. скифской эпохой, с эпохой близкой к первым векам по Р. Х. и с более поздней, т. е. с эпохой Руси, — научно подтвердив их историческую, органическую связь.

Этим самым „досушие домыслы“ мудрецов, протиснувшихся в Российскую Академию Наук, о пресловутой норманнской теории образования Руси, полностью опровергнуты. Да иначе и не могло быть: уж слишком натянутой, пустой и бесталанной была эта т. н. теория.

Никаких следов т. н. норманнской культуры, норманнских погребниц или каких либо иных памятников на всем указанном пространстве не оказалось. Правдивые утверждения гениального Ломоносова нашли свое научное подтверждение — русские племена задолго до Р. Х. обитали на территории России и создавали великое Русское Государство.

Сейчас уже с большой достоверностью можно утверждать, что скифы — это древние славяне — наши предки. Точно так же как и то, что карпы являются предками одного из племен Руси современных карпатороссов. Карпы и Русь один и тот же народ, как и венды-венеды, анды, анты, которых греки и римляне именовали то скифами, то сарматами, то скифо-сарматами, то тавро-скифами, то русами. Это все тот же древнейший народ Европы — Русь, русены, ружены, росы, раша, расена.

Этот же народ известен под именем антов, где слышится его настоящее имя венды-ванды. Часть из них обитала на севере, образуя общее с Литвой государство, многие же из них проживали в средней полосе и на юге. Несомненно, что в дальнейшем, на протяжении своего исторического пути славяне-Русь, под влиянием тех или иных причин, вынуждены были несколько перемещаться то севернее, то южнее, то запад-

нее, то восточнее своих первичных местобиталищ. Под давлением гуннов, аваров и других разбойничьих племен востока, славяне-Русь нередко отходили к северу и западу. Под натиском свирепых франков, саксов и прочего сборища различных племен т. н. Священной Империи (Карл Великий и его предшественники) наши предки вынуждены были отходить на восток и юго-восток. Иногда им удавалось возвращаться на свои родные пепелища. Нередко объединяясь, племена славян-Руси давали должный отпор как разбойничьим набегам с востока, так и хищническим устремлениям запада. Громили авров, хазар, печенегов, половцев; наносили жестокие поражения полчищам франков и др. вторженцам запада на земли славян-Руси.

С очень отдаленных времен наши предки стремились к образованию государственности. Следы Руси-россов в пределах огромного пространства от Урала до Карпат и от Балтики и Белого моря до Кавказа, Черного, Каспийского и Азов-

ского морей встречаются повсюду, как то: Тьмутараканская Русь или Артания, следы ее находим на Кубани (ст. Мартанская). Артаны-Русь, Мартань. Как смерть — истребление тьмутаракани (на наречии горцев).

Сурожская Русь — Русь в Крыму (от тавроскифов). Червонная — Галицкая Русь. Черная Русь, Карпатская Русь, Белая Русь (ростово-суздальские земли), Малая Русь, Великая Русь, наименование рек (Рось), городов — Русса, Старая Русса, Рос-тов и др.

Путь в праисторию Руси пробит: собрано много материала, который красноречиво подтверждает тот факт, что русы — древнейший народ Европы, до римлян и даже эллинов, что этот народ внес огромный вклад в мировую культуру. Пресловутая Нормания приказала долго жить. Сделано много, праистория Руси встает перед нами, но это только начало, впереди предстоит большая работа.

Юрий Миролюбов

КАРПАТОРУССКИЙ ГИМН

Русь едина, неделима,
Русь одна была и есть.
От карпатских гор высоких
И по Тихий Океан.
Русь одна была и будет,
Русь одна была и есть.

От Попрада и по Тису
Наша Русь Карпатская.
В Черногоре и в Бескидах
Льется песня русская.
Дружно, братья, восставайте,
Честь, свободу, Русь спасайте,
Русской земли не отдайте,
Не отдайте врагам.

И настанет час желанный,
Грянем все мы на врага.
Соберемся во-едино,
Грянет русское ура!
От карпатских гор высоких
И по Тихий Океан
Русь одна была и будет,
Русь одна была и есть.

Этот гимн был составлен мною в австрийской тюрьме еще до первой мировой войны, но при Австрии его нельзя было ни печатать, ни петь открыто. Это был „гохферрат“ (согударственная измена). Нельзя было и при чехах. Это тоже была „велезрада“. Печатаем его теперь впервые в Америке. Пели мы гимн на мотив русской военной песенки петровских времен: „Знают турки нас и шведы“.

А. Геровский

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ 1962 ГОДА.

Архиерейским Синодом в согласии с Положением о Русской Зарубежной Церкви решено 8.-21 октября 1962 года, в день Св. Отец 7-го Вселенского Собора созвать очередной Архиерейский Собор, созываемый через каждые три года. Архиерейский Собор созывается в г. Нью Йорке в Синодальном доме и продлится около двух недель. Главным предметом занятий Архиерейского Собора будет принятие надлежащих церковных мероприятий для укрепления Св. Православия в настоящее время, а также обще-церковные дела.

Св. Православию в настоящее время угрожают две главные опасности: усилившееся за последнее время гонение на Св. Веру со стороны безбожного коммунизма и религиозное безразличие современного мира, ниспровергающее истинное учение о Св. Церкви, неповрежденно пребывающей до конца мира.

12 февраля 1962 года.

г. Нью Йорк.

Из канцелярии
Архиепископа **Никона**.

РУССКИЕ ЛЮДИ!

Пусть новый год будет годом новых успехов в борьбе за православную русскую печать!

Помогите вашими пожертвованиями создать Издательский фонд „Свободного Слова“, чтобы в этом году нам перейти на ежемесячный выпуск журнала.

Флаг Украинских Сепаратистов

В город Александровск на Днестре, переименованный коммунистами в Запорожье, немцы вступили 4-го октября 1941 года.

Уже на другой день в город приехали шесть молодых людей галичан в качестве переводчиков. Они говорили по-немецки и по-„украински”. Но „украинский язык” их был малопонятен нам, местным жителям Южной (Малой) Руси...

Язык украинствующей части галичан имеет много немецких слов, а еще больше в нем — польских. Так вот, эти галичане на здании Городской Управы повесили якобы „украинский флаг — жовто-блакитный”.

Мы, люди южной Руси, не знали и не видели такого флага. Богдан Хмельницкий, насколько известно, пользовался белым флагом, а Запорожские казаки — малиновым...

Только в Европе мы потом узнали из газеты „Українські Вісті”, что во время революционной заварюхи в 1848 году молодой австро-венгерский император Франц Иосиф призвал галичан принять участие в подавлении восстаний. Галичане выставили дивизию, которая очень помогла восстановлению порядка. Благородный император пожаловал начальствующим лицам земли, а прочим — денежные награды; дивизии же — почетный „жовто-блакитный” флаг, цвета которого должны были символизировать пшеницу и Дунай... Так этот флаг и привился у начавшей вскоре украинствовать некоторой части галичан, как национальный.

Записала со слов ныне покойного
Сергея Карского Екатерина П.

От редакции.

В дополнение к этому интересному письму, полученному из Германии от нового эмигранта „украинца” — русского человека Украины, д-р А. Геровский добавил следующие строки.

Жовто-блакитный флаг

Жовто-блакитный — это на русском литературном языке и на галицком и карпаторусском наречиях — желто-синий. Слово „блакитный” — польское.

Вот этот жовто-блакитный флаг, который в настоящее время считается украинским флагом, был, если так можно выразиться, изобретен во Львове во время революции в 1848-1849 г. г., когда мадьярские магнаты и польские вельможи

восстали против Габсбургов. Русские галичане в то время так же как и русские в Карпатской Руси, стали на сторону Габсбургов, или, вернее, они пошли против мадьярских и польских панов. Граф Стадион, который в то время был австрийским наместником во Львове, пригласил к себе представителей русских галичан, которые в то время считались надежной опорой против бунтующих польских панов и сказал им, между прочим, что австрийское правительство готово поддержать их, но с условием, что они не будут считать себя частью русского народа, то есть того русского народа, который живет в России. Это было после того, как появились в Австро-Венгрии русские войска, присланные по просьбе цесаря Франца Иосифа русским императором для того, чтоб спасти Габсбургов. Русские войска прошли через всю Галицкую Русь в нескольких колоннах и перевалили Карпаты через все перевалы. Так с ними ознакомились как русские галичане, так и карпатороссы, не только интеллигенты, но и большинство крестьян. Народ как галицкий, так и угорский встречал их всюду как своих братьев, приглашал их в свои, официально униатские, храмы. По просьбе населения православные священники служили в их церквах, против чего не только не протестовали униатские священники, но во многих случаях служили с ними вместе. Все это не понравилось австрийским властям и поэтому граф Стадион не взирая на то, что тогда русские были нужны габсбургской династии, считал необходимым предупредить их вождей, что они не должны себя считать такими же русскими, как и русские в России. Что касается сине-желтого флага, или, как его в настоящее время называют украинцы, „жовто-блакитного”, то история его возникновения такова. В один прекрасный день граф Стадион пригласил к себе представителей Галицкой Руси и передал им сине-желтый флаг в виде подарка от матери императора Франца Иосифа. Она, по словам Стадиона, сшила этот флаг. Цвета его были избраны на основании герба русских галицких князей, на котором был изображен золотой лев на голубом поле. Этим флагом пользовались затем русские Галицкой Руси и Угорской (Закарпатской) Руси, между прочим, им тоже пользовался Адольф Иванович Добрянский в Ужгороде. Только впоследствии этот флаг сделался „украинским”.

К МОЛОДЕЖИ

„Много званых, но мало избранных”

Наблюдая антихристианскую настроенность вершителей судеб мира и отход от Христа как Сына Божия, западных, так называемых, церквей; наблюдая вкоренение в сердца молодежи с самого раннего детства антихристианских начал, растленных навыков и своеволия; наблюдая внедрение в христианские семьи и общества обычаев, влияющих на молодежь и по выходе из стен школ, — не удивляемся мы словам Спасителя о немногих избранных.

Из школ изгнано Евангелие, как основа воспитания, как фундамент образования личности; не занимает эта священная Книга должного места и в семьях христианских. А современные воспитатели молодежи, в государственных училищах, да и многие родители это — убийцы Духа Животворящего, сами Христа Бога отрекшиеся и на дно адаво влекущие за собой молодежь. Вся система воспитания, жизни и труда, кажется нам, сознательно направлена ныне к тому, чтобы убить Христа в человеке или, хотя бы, отвлечь его внимание от Христа Бога.

Что же дается молодежи взамен Веры, взамен Света Христова? Во-первых, гордыня ума, приводящая всегда к духовному опустошению, ибо в основе всякой гордыни лежит самообман.

Во-вторых, мечтательные предположения об образовании мира, о произвольном зарождении жизни, дарвинском происхождении родов и видов с его же мечтанием о происхождении человека. Этот „бред сонного” преподносится молодежи, как слово Истины-Науки, и против него, говорят, не возразишь.

Но почему бояться вести в школу Евангелие? Почему ограждают молодежь от влияния этой Книги? Сатана, который есть мрак, тьма, и лжец, не любит Света, ибо Свет Христов легко обличает всю несостоятельность и пустоту его мудрований, кои преподносятся молодежи, как „последнее слово науки”. Как карточный дом разлетаются все мудрования этих жрецов псевдо-науки, жрецов Сатаны, при падении на их мудрования Света Божественного Откровения, Священного Писания и творений св. Отцов.

Христос-Спаситель, как Любовь Творца к человеку, к нам, ради нас пришел на землю. И настойчиво зовет он нас к Свету. „Я свет миру”. „Я есмь дверь... Я пришел для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком”.. „Кто не пребудет во Мне, извергается вон, как ветвь, и засохнет... без Меня не можете делать ничего”, говорит Христос.

Знал некогда народ наш эти слова Спасителя. Является неоспоримым фактом, что народ наш — наше отечество, водимое сонмом русских

правдолюбцев, святыми и праведными князьями, шли путем, в Евангелии начертанным. Через всю историю Руси красной нитью проходит устремленность к Богу Живому, желание действительной любви к ближнему.

Вместе с житиями святых, св. Писание и святоотеческие творения, на протяжении многих веков были воспитателями и духовным руководителем русских людей, как простых, так и образованных, и всего народа нашего. Неоспоримым фактом является, что Русь-Россия строилась, прежде всего, памятью о Боге. В этом ее отличие от иных государств. В этом и залог ее возрождения.

„Не хочу лишь по имени христианином зваться, а дела творить поганых”, — говорит князь Михаил Черниговский.

„Соблюдай строго все, что нашей Церковью предписывается”, — завещает Государь мученик Николай Александрович своему Сыну Наследнику. „Надо жить по Божьи”, — говорит народ наш; — побойся Бога” — вразумляли наши предки согрешающего; а укоряя совершающего грех против ближнего, говорили они: — „Бога в тебе нет”, знал народ наш, что имеющий Живаго Бога носит в душе своей и живые совесть и любовь. В этих словах, наставлениях и вразумлениях, в этих поговорках отражена духовная основа жизни нашего народа, народа любви сострадательной, отражается в них духовный облик всей Руси-России до того времени, пока не вошли в организм ее бесы иноземные.

Мы, чада Руси Зарубежной, свободной Руси, представляем собою часть организма народа российского, ныне страждущего. Оздоровлением части больного организма достигается, постепенно, оздоровление и всего организма. Посему, не смеем мы пройти мимо зова Христа Спасителя! Являясь званными, мы обязаны приложить усилия и к тому, чтобы быть и среди избранных. Долгий то путь. Он требует настойчивости, постоянства воли и чувства в их обращенности ко Христу. Ибо только возвратом к духовной основе нашей жизни достигаем мы права на Любовь и Милость к нам Промыслителя. Каждому русскому, православно мыслящему человеку, необходимо уподобиться ж и в о й рыбе, — она всегда идет против течения, необходимо внутренне отвергнуть дух времени, плотской уклад жизни, и вернуться ко Христу в Церковь Его так, чтобы постепенно во всем переизвестно получил у нас Христос.

По течению идет рыба мертвая, гнилая.

М. К. Сиклифский

ОТВЕТ ЗАПАДУ

(„Освободителям” и завоевателям России)

„Родиться русским слишком мало:
Им надо быть, им надо стать.”

Своей борьбой кровавой и бескровной
Издавна мы хранили ваш покой
И наш народ могучий, непокорный
Не раз за правду жертвовал собой.

Когда потомки злые Чингиз-хана
Вели на Запад бешенную рать,
Не вам под гнетом дикого тирана
Три сотни лет досталось изнывать.

Не ваша кровь лилась под ятаганом
И орошала землю как вода,
Не ваших жен в гарем вели арканом,
Не ваши жгли родные города.

Когда по вашим землям триумфально
Свои войска провел Наполеон
И пред собой в будущем, недалеком,
Уж видел он всеевропейский трон, —

Лишь наш народ не дрогнул пред тираном
И дал отпор решительный ему,
И на скале, над бурным океаном,
Все видел он сожженную Москву.

Не ваши люди в вихре революций
Кидались в бой за смутный идеал,
Не ваших жен святые слезы льются
За долю тех, кто в тюрьмах погибал!

Широк простор полей необозримых,
Священна наша Русская Земля:
Здесь каждый холм-гора костей незримых
И кровью все пропитаны поля!

Не даром наши нивы плодородны:
Они от пота русского тучней.
Не даром наши реки многоводны:
Текут в них слезы русских матерей.

Когда враги свободы навязали
Нам коммунизма опыт роковой,
Издалека вы молча наблюдали,
На нас кинжал оттачивали свой!

О, Русь! Святая Русь! Твои страдания —
Все двадцать шесть — кровавая борьба
И мор, и рабство, и гоненья —
Нам все дала жестокая судьба!!!

Вы вновь пришли? Вы ищете наживы
В страданиях нашей гибнущей страны?!
Ошиблись вы: еще по ныне живы
В народе русском мифы старины!

Настанет время: дух народа
И миллионы праведных мечей
С заветным знаменем: „Россия и Свобода”
Против кремлевских встанут палачей!

Германия, плен — 1943 г.
Автор — неизвестен.

Стихотворение это было написано неизвестным
военнопленным в концентрационном лагере в Гер-
мании в 1943-м году.

ЧЕШСКИЕ „БРАТЬЯ”

Когда чехи пришли к нам, в Карпатскую Русь,
они говорили нам, что они наши братья-славяне.
Но очень скоро наш народ убедился в том,
что они не братья славяне, но „грабьяне”
(грабители). Почему? Послушайте, что случилось у нас, в Середнем.

В Середнем был почтальон, наш человек, русский, местный уроженец. Звали его Стефан Стефаняк. Он был человек уже немолодой. У него была жена и четверо детей. Он не мог делать всякую работу, ибо на правой руке у него не хватало четырех пальцев. Оторвала машина. Но почтарь он был хороший. Знал он каждого жителя в нашем местечке, знал где кто живет и разносил он письма добросовестно. Люди были им довольны. За свою работу, день в день, зимой и летом, в дождь, снег, в мороз и под горячим солнцем Стефаняк получал 300 крон в месяц, то значит, на американские доллары, по десяти долларов в месяц — или по тридцати центов в день. Небольшая это была плата для человека женатого, с четырьмя детьми.

Когда после первой мировой войны в Карпатскую Русь начали приходиться чехи, то пришли они и к нам в Середнее. Среди них был и пан Скопал. Он был человек бедный. Ходил он со своим тринадцатилетним сыном по нашему местечку и рубил дрова. Началась земельная реформа. Чешское правительство забрало панскую землю, на которой была хата для лесничего. Эту хату чехи дали пану Скопалу, хотя в нашей околице было больше пятисот наших людей у которых не было хаты.

Но этого было мало. Чехам понадобилось отнять хлеб у Стефаняка и дать его чеху, Скопалу. В один прекрасный день Стефаняку объявили, что он не может быть почтальоном, потому что он не окончил четвертый класс „гражданской школы”. Его уволили и дали его место па-

ну Скопалу, который тоже не окончил гражданскую школу. Но для него это не имело значения, ибо он был чех. Стефаняку платили 300 крон в месяц, а Скопалу дали 600. А через год ему дали в помощники его сына, пятнадцатилетнего мальчика, тоже не окончившего никакой школы, и дали ему 300 крон в месяц. А когда через два года старший Скопал умер, то его вдове назначили пенсию, а его сына, 17-тилетнего мальчика, произвели в почтальоны и платили ему 800 крон в месяц.

Подобный случай был в Анталовцах. И там был наш русский почтальон. Не могу припомнить его имени. И ему платили 300 крон в месяц. У него было небольшое хозяйство, так что он мог прожить на эти деньги. Был он почтальоном уже три года, когда вдруг ему чехи объявили, что он должен иметь свидетельство об окончании гражданской школы. У этого человека было некоторое образование и хорошая голова и он сказал, что выдержит в Ужгороде экзамен за гражданскую школу. Взял себе учителя, платил ему, и выдержал экзамен. Когда у него в руках было свидетельство, то чехи предложили ему место не в Анталовцах, где он был почтальоном и у него было хозяйство, но в Ракошине, в пятнадцати милях от Анталовец. Ездить туда нельзя было ни автобусом, ни по железной дороге. Нужно было переселиться туда. Но этого он сделать не мог, ибо в Анталовцах у него был домик и хозяйство, а в Ракошине он не мог прожить на 300 крон. Поэтому он не мог принять место почтальона в Ракошине и лишился места в Анталовцах. Он израсходовал деньги на учителя, чтобы выдержать экзамен, а потом не получил места. На его место в Анталовцах назначили чеха, которому платили в три раза больше.

Не „грабьяне” ли чехи?

Так это делалось по всей Карпатской Руси. И наименьший кусок хлеба отнимали от нашего русского человека, чтобы дать чеху. Для чеха не нужно было школы.

Константин Микла

То, о чем пишет К. Микла, происходило в первые годы чешского владычества на Карпатской Руси. Но положение ничуть не изменилось также и через девятнадцать лет, когда в 1938 г. приехала в Ужгород делегация карпатороссов из Америки. В первый день их пребывания в Ужгороде тогдашний губернатор Грабарь рассказал делегатам откровенно, что у него нет никакой власти и что чехи с ним совершенно не считаются.

„Вот — сказал он — совсем недавно должен был быть назначен служитель в уездном суде в Воловом. Для этого места не требовалась никакая квалификация, так как его работа состоит в том, чтобы подметать полы, стирать пыль, топить, и т. п. Я хотел,

чтобы это место получил наш русский житель Волового. Но даже этого я не мог добиться. Место служителя было дано чеху, присланному из Праги. Вот какой я губернатор”.

Разговор американских делегатов с губернатором происходил в 1938 году, то есть за год до того, как Гитлер ликвидировал Чехословакию. Но и тогда еще нависшая над ними опасность не сбавила чехам спеси.

А. Г.

МОСКВА

Москва, Москва, Руси столица,
Царевна русских городов.
Москва боярыня, девица
Из древнерусских теремов.

Москва — монашка голубая,
Москва — красавица Руси.
Я за Москву и Русь страдаю,
Молюсь, о Боже! Русь спаси.

Звени и пой моя ей лира,
Звени и пой стихами слов.
В Москве моей спасенье мира
От зла иуд-большевиков,
В Москве свободной, без оков.

А. Росков

ИЗ ПИСЬМА ПИСАТЕЛЯ М. КАРАТЕЕВА ОДНОМУ ИЗ НАШИХ СОТРУДНИКОВ

9 января 1962 г.

...Все что Вы пишете о журнале „Свободное Слово” я вполне разделяю и судьбу его принимаю близко к сердцу, а потому всегда поддерживаю чем возможно. Меня вообще влечет к карпатороссам и я вполне согласен с Миролубовым в том, что они более русские чем мы сами. Мы, великороссы, у которых нашей русскости никто никогда не отнимал, в некотором роде заплывли жирком и были в значительной степени развращены идеями западничества, покрываясь помаленьку космополитическим налетом, тогда как карпатороссы в самой неблагоприятной обстановке веками отстаивали свою русскость и на протяжении всей своей трудной истории только и мечтали о том, чтобы остаться именно русскими. И за это им честь и слава...

Искренне Ваш

М. Каратеев

ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

...Для меня вы все, русские люди Карпат, не простые лишь братья по крови, а золотой человеческий фонд будущей России, восставшей из гроба, ибо вы, карпатороссы, и только вы, духовно закаленные в своей тысячелетней борьбе за православие, можете стать тем прочным и несокрушимым фундаментом Дома Пресвятой Богородицы, каковым была Россия до революции, точнее, до овладения ею сатанистами. Российская трагедия вовсе не революция, а вся бесконечная революционная болтология, по сути дела, есть всего лишь фиговый лист, использованный представителями глубин сатанинских, чтобы замордовать народные массы страны, когда это исчадие ада решило покончить с Великою Православною Державою Российскою.

Вы не подумайте, что идеализирую вас, карпатороссов. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что и среди вас, как и в каждом народе, имеются люди неодинакового морально-нравственного облика, неодинаковой идейности, активности в борьбе за свою самобытность. Люди не равноценны по своей духовности, но вы, карпатские русские всем народом прошли через тысячелетнюю Голгофу, и это закалило вас в борьбе за веру отцов своих, сделало вас непобедимыми в отчаянной схватке не на жизнь, а на смерть, со всеми врагами православия. Ничего нет случайного в жизни отдельных народов, как и в жизни всякого человека, но „пути Господни неисповедимы”, и если вы не погибли в своей смертельной борьбе, то это случилось, безусловно, по милости Божией.

Я в вас, русских из Карпат, вижу ту малую закваску, которая должна будет заквасить всю двухсотмиллионную громаду россиян; и дело тут вовсе не в количестве, а исключительно в качестве: малая закваска заквашивает все тесто. Вы, карпатороссы, волею Господа Бога оказались куда более русскими, чем мы, ибо вы в своей тысячелетней борьбе сберегли Православие, а мы преступно-легкомысленно позволили сатанистам обратить Дом Пресвятой Богородицы в вертеп разбойников. Ведь после Российской трагедии только духовно-слепые люди не смогут понять того, отчего погибла Россия. Безбожный, богоборческий коммунизм мог победить и удержаться на Русской Земле только потому, что к тому времени русский народ был духовно обезоружен нашею прогрессивною, духовно - сгнившею интеллигенцией, которая сплошь вся была или атеистическою, или, в лучшем случае, прохладно-верующей.

„Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих” (Откр. 3, 16).

Это и привело нас к российской трагедии. Я свято верю в грядущее воскресение России, очищенной от всякой скверны морями слез и реками крови, пролитыми русским народом.

Ваш журнал самый нужный для дела борьбы за Россию, ибо спасение России придет только в том случае, если мы удержимся в православии и только с ним можем победить сатанистов, так как борьба идет не в области политической, а в области духовной, то есть, сил добра с силами зла.

Алексей Гускин

Франция.

ГОЛОС ЧЕСТНОГО ГАЛИЧАНИНА

(Письмо в редакцию)

...Я з Галичини, з підгірського села, близько Стрия. В мому селі красива церква, читальня, громадський дом, коршма и величава школа, в котрій учили про польських королів, про німецьких кайзерів і австрійського „милостиво” пануючого монарха Франца Йосифа.

За Карпатську Русь я не чував, нічого не знав. Ніхто не згадував і не писав, що десь там живот наші брати в Карпатах, чи далеко в краю, що звеса Россия. Ми — рускі галичане, були засуджені на винародовленье, о чім я довідався около 1905 року... В церкві також мало споминали за папу, а за унію ніхто не знав. За Україну перший раз почув від бурсаків, що ходили до паралельної гімназії в Стрию...

Вороги наші так нас разъєдинили, що тепер приходится тяжело соединити карпатороссов, галичан, русских из Россіи і др. Каждый из русских иде в свій бік, бо недостаток віри в Бога, недостаток любви і знанья. У хаті русского трудно найти научну чи історичну книжку, журнал, або газету...

Петро Кавацин (Чикаго)

...Я преклоняюсь перед той силой, которую проявил наш брат по крове и вере — карпаторусский народ, пронеся свою русскость и веру, несмотря на все гонения за национальность и за веру, несколько столетий.

Вы правы, не такой вам мечталось встретить Россию, какую вы встретили в 1945-46 г. г. Но тут ошибки нет — к вам пришла и вы встретили не Россию, а советскую интернациональную коммунистическую власть, а Россия и русский народ к вам еще не пошел, но даст Господь и придет к вам та Россия, которую вы в мечтах ожидали столетия и передавали из поколения в поколение эту надежду.

В. Еремин.

Разбойно, грубо и коварно
вы захватили в руки власть,
и, размахнувшись планетарно,
вы без оглядки стали красть
все, что лежало перед вами. —
что создавал народ веками,
чем он гордился, чем он жил,
что он так бережно хранил,
что защищал не раз телами
и до безумия любил...

Не пощадили вы могил
почивших вечным сном царей
и жуткой бандой дикарей,
перевернув все наизнанку,
вы кровью смьтыми руками
сдирали алчно с их останков
кресты и ленты с орденами,
значки прославленных полков,
глумясь над царскими орлами
и русской славой трех веков...

Вы крали все, что было свято,
что было символом страны, —
„изъяв” с цинизмом азиатов
все достояние казны,
как сверхестественные хамы,
вы стали гнусно грабить храмы,
ведя кощунственный грабеж
с разбойным лозунгом: „даешь!”
и, плюнув в святость и века,
согласно праву кулака,
взрывали русские святыни,
воруя нагло их добро,
и обращали все в пустыни,
что-б усладить свое нутро...

Вы разрушали всенародно,
что пощадили дикари,
принявшись дико, сумасбродно
уничтожать монастыри, —
источник грамоты народной,
святыни мира и труда. —
их сохранила и Орда,
изъяв из дани подоходной, —
а вы, как псы, как вурдалаки,
собравшись стаей у костей,
вскрывали хищно даже раки,
не пощадив святых мощей
и, изнасиловав монахинь,
их изгоняли нагишом,
что-бы натешиться их страхом
и насладиться их стыдом...

Прикончив знать и власть имевших
и обобрав их до штанов,

добрались вы до онемевших,
еще дышавших мужиков
и, развернувшись на просторе,
свернули шеи „кулакам”,
прибрав к рукам в кровавом споре
и их последний, жалкий хлам,
что-б с недвусмысленной угрозой
воздвигнуть мертвые „колхозы”.
и, уплотнив „середняков”,
ограбить их до зипунов, —
все это с каторжной любовью, —
людей трактуя, как навоз,
залили вы мужицкой кровью
и бесконечным морем слез...

Надев трудящимся оковы,
сменили вы российский герб, —
что выковал ваш тяжкий молот,
и что пожал ваш хищный серп? —
„Чеку”, террор, доносы, голод,
провалы, „нормы”, балаганду,
разврат и хамство комсомола,
„кацеты”, „чистки”, мор, беду,
грабеж и царство произвола,
бунты, востания, застой
и стаи мрачных „беспризорных”
под „путеводную” звездой...

Все ваши целеустремленья —
один сплошной самообман,
все ваши в сумме достижения —
довольно пошлый балаган,
все ваши стройки на костях
и сцементированы кровью,
они провалятся, как в прорву
и обратятся скоро в прах...
вся ваша сущность — скотобойня,
вся власть — безудержной разбой:
войска вы водите на войны,
как скот рогатый, на убой...
вы мастера лишь в преступленьях.
в большом втирании очков,
в убийствах, лжи и ограбленьях —
своих народов и врагов...

А вы-то мните, что вы боги,
что вы кругом богатыри —
вы примитивны и убоги
и до сих пор, как дикари...
с конца семнадцатого года,
закрыв границы на запор,
вы ищите „врагов народа”.

без передышки — до сих пор...
все в вашем царстве вверх ногами
с наводкой тени на плетень,
враги народа — вы же сами —
без перемены — по сей день...
к тому вы безнадежно серы,
держась у власти — силой тьмы,
вы — эпидемия холеры,
— бацилы тифа и чумы.

Буэнос Айрес, декабрь 1955 г.

ДУХОВНЫЙ ОТДЕЛ

**О том, что чтение Св. Писаний件 полезно.
(Св. Иоанна Златоуста)**

...Как сидящие при источнике, наслаждающиеся его прохладой, и при наступлении жары часто погружающие в него лицо свое устраняют удушливый жар потоками, и, если беспокоит их жажда, легко облегчают мучение, имея врачество вблизи в источнике, так и находящийся при источнике божественных Писаний, если почувствует беспокоящий его пламень непристойной похоти, легко потушит пламень, погрузив душу в эти воды; и если будет беспокоить его горячий гнев, воспламеняя сердце, как поджигаемый котел, то, покропив немного этой воды, он тотчас укротит бесстыдную страсть; и от всех порочных помыслов, как бы из среды пламени, избавляет душу чтение божественных Писаний.

Поэтому и великий пророк Давид, зная пользу от чтения Писаний, уподобляет того, кто постоянно внимает Писаниям и наслаждается беседою с ними, растению всегда цветущему, стоящему при потоках вод, когда говорит:

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей; но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при источниках вод (Псал. I, 1-3)

Как дерево, посаженное при источниках вод, стоящее при самых потоках получая постоянное орошение, бывает безопасно от всякой неблагоприятной погоды, не боится ни пламенных лучей, не страшится ни сухого воздуха, потому что, имея внутри себя самого достаточную влажность, скоро отражает и отстраняет приступающий отвне избыток всякой солнечной теплоты, так и душа, стоящая при потоках божественных Писаний и постоянно напеваемая ими, собирая в самой себе эти струи и росу Духа, бывает безопасно от всяких неблагоприятных обстоятельств; хотя бы болезнь, хотя бы порицание, хотя бы клевета, хотя бы злословие, хотя бы насмешки, хотя бы какая-нибудь лень, хотя бы все бедствия вселенной напа-

ли на такую душу, она легко отражает пламень страстей, находя достаточное утешение в чтении Писаний. Подлинно, ни величие славы, ни высота власти, ни присутствие друзей, и ничто другое из вещей человеческих не может утешать в скорби так, как чтение божественных Писаний. Почему? Потому, что те вещи тленны и скоропреходящи, — а чтение Писаний есть собеседование с Богом. Когда же Бог утешает находящегося в скорби, то какое из настоящих обстоятельств может повергнуть его в уныние?

Итак, будем внимательно заниматься чтением, не два только эти часа, — потому что для безопасности нам недостаточно одного простого слушания, — но постоянно; и пришедши домой, каждый пусть возьмет в руки Библию и вникает в смысл сказанного, если он хочет получать постоянную и достаточную пользу от Писания. И то дерево, которое стоит при потоках, не два или три часа сообщается с водами, но каждый день и каждую ночь. Потому это дерево и украшается листьями, потому и изобилует плодами, — хотя никто из людей не нападет его. — что оно стоит при потоках, привлекает себе влагу корнями и как бы какими-нибудь проходами передает полезные соки всему своему составу. Так и читающий постоянно божественные Писания и стоящий при их потоках, хотя бы не имел никакого толкователя, постоянным чтением, как бы некоторыми корнями, приобретает себе великую пользу.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Чтобы „Свободное Слово” стало настоящим полноценным русским православным журналом, его тираж должен расти — дайте ему новых подписчиков!

Присылайте адреса русских людей, которым мы вышлем пробные номера для ознакомления.

НЕЗАВИСИМЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ ТОЛЬКО НА ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ И ПОЖЕРТВОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ.

Помогите нам, русские люди, вашими пожертвованиями в издательский фонд побороть все финансовые затруднения.

УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА ПО МЕТОДУ БЕРЛИЦА

По методу Берлица учитель с первого же урока с учеником говорит только по-русски. Он берет в руку карандаш, показывает его ученику и говорит медленно ка-ран-даш. Ученик повторяет ка-ран-даш. Затем учитель берет книгу, показывает ее ученику и говорит кни-га, и так далее.

Казалось бы, что все это очень просто. Но ученики бывают разные. Учить взрослых людей иностранному языку так, как его изучают дети, повторяя то, что им говорит мать, не так уж легко. Ибо ребенок не спрашивает, почему книга называется книгой. Ему никогда в голову не приходит мысль, почему это именно так, а не иначе.

Другим препятствием при обучении иностранному языку является у большинства учеников мысль, что выучить иностранный язык очень трудно. В особенности в отношении русского языка у всех американцев существует предрассудок, что это чрезвычайно трудный язык.

Я учительствовал в школе Берлица несколько лет, в течение которых было много курьезных случаев. Но самый забавный из них был случай с одним актером, который мечтал о том, чтобы сделать карьеру при помощи русского языка. Это был молодой человек, 24-х лет, вполне нормальный, интеллигентный и живой. То есть, таким он был в общей комнате, перед уроком. Но стоило ему только попасть в класс, как его глаза делались стеклянными и он сам весь казался совершенно загнипозитированным. Он с трудом повторял самые простые слова. Некоторые он совершенно не мог произнести. Например, слово „книга” ему никак не давалось. Очевидно в его подсознании ему не давало покоя правило, по которому в английском языке буква „к” никогда не произносится перед буквой „н”. Когда учитель показывал ему книгу и произносил слово „кни-га”, он долго и упорно глядел на учителя, который несколько раз подряд терпеливо произносил это слово. Но ученик продолжал молчать и стеклянными глазами смотрел на рот учителя. Наконец он с большим трудом выпаливал: **кинга!!!**

Дабы ученику привить слово „идти”, учитель в школе Берлица, тыкая себя пальцем в грудь, объявлял ученику, что он учитель. Затем он прохаживался большими шагами по комнате и возглашал: учитель идет. Произнести слово „идет” чрезвычайно трудно почти для каждого американца. Пачти все ученики говорили вместо

„идет” — идиот. Требовалось много времени, много уроков для того, чтобы американские ученики, наконец, научились произносить „идет”.

В то время, когда наш актер попал в школу Берлица, я был начальником русского отдела. Предстоял последний, двадцатый урок русского языка. Ученики всегда платили вперед за двадцать уроков. В то время это составляло 95 долларов. Учитель, которому следовало дать актеру этот двадцатый урок, пришел ко мне и попросил меня заменить его. — „Мы ничего с ним сделать не можем. Он ничему не научился. После девятнадцати уроков он не знает даже того, что нормальный ученик знает после трёх уроков. Убедитесь сами, и на нас не пеняйте”.

Актер сидел в общей комнате, разговаривал и смеялся и вообще вел себя как нормальный молодой человек. Но когда он вошел в класс, он совершенно переменялся. Как будто его кто-то загнипозитировал. Он сидел напротив меня за столом и смотрел на меня стеклянными глазами.

Я начал с первого урока. Взяв в руки карандаш, я провозгласил: ка-ран-даш. Актер продолжал смотреть на меня и усиленно глотал, как будто у него что-то застряло в горле. Пришлось повторить это слово несколько раз, пока он наконец, с большим трудом не изрек „ка-ран-даш”. Потом с таким же трудом он повторял слова „стол”, „стул”, „бумага”, „перо”. Затем пришло страшное слово „книга”. Взяв в руки книгу, я спросил его: Что это? Никакого ответа не последовало. Так это повторялось несколько раз. В конце концов я произнес слово книга. В глазах актера появился страх. Он усиленно глотал и после того, как я повторил слово „книга” раз десять, он завопил: **кИНга!!!**

Было ясно, что он никогда не одолеет русского языка. Но я сделал еще одну попытку. Я встал и начал шагать по комнате. Когда я спросил, что делает учитель, он упорно молчал. Я так же упорно решил заставить его заговорить. И продолжая демонстративно шагать, я спрашивал: Что делает учитель? Наконец актер, все еще глотая с невероятным усилием, ткнул указательным пальцем в мою сторону, и завопил: **Ві идиот.**

Я ему посоветовал прекратить изучение русского языка и больше я его не видел.

А. Русин

